

МАТЕРИАЛЫ
— VI МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
В ЧЕСТЬ АКАДЕМИКОВ АН БССР
Н. М. НИКОЛЬСКОГО И В. Н. ПЕРЦЕВА
7–9 апреля 2005 г., Минск

Минск
Издательский центр БГУ
2005

одинаковыми для доклассовой и классовой эпохи. Для подкрепления этого вывода укажем на три обстоятельства, качественно меняющих ту картину теории господства, которая была принята в советской науке: 1) граница государственности условна ввиду неясности понятия «государство»; 2) процессы политогенеза и классогенеза не имеют прямой зависимости; 3) отношения неравенства, иерархии и властвования имеют соответствия и даже корни в природном мире.

Н. Б. ЧУРЕКОВА

У ИСТОКОВ ХЕРСОНЕССКОГО ПОЛИСА (последняя четверть VI – начало IV в. до н. э.)

Херсонес Таврический на протяжении почти двух столетий привлекает внимание исследователей, однако вопрос о времени и обстоятельствах его основания до сих пор остается дискуссионным. Предположение о том, что на месте будущего Херсонеса существовало более раннее поселение, одними из первых высказали Э. Миннз и М. И. Ростовцев. Их догадка базировалась на немногочисленных материалах архаического времени, которые уже тогда были известны в основном по недокументированным раскопкам.

Сейчас абсолютно ясно, что на месте будущего Херсонеса существовало более раннее постоянное поселение, об этом можно судить по материалам некрополя, находящегося в Северном районе Херсонеса, один из участков которого функционировал во второй и в третьей четвертях V в. до н. э. — здесь зафиксированы детские погребения в амфорах. Однако ни название, ни политический статус этого поселения неизвестны, неясно также, существует ли его преемственность с дорийским Херсонесом.

Это поселение, видимо, было основано на берегу Карантинной бухты в последней трети VI в. до н. э., но говорить о том, что Херсонес был основан еще в 546 г. до н. э. или 528/527 г. до н. э., вряд ли будет правильно. Отсутствие следов сельской округи говорит о том, что прокормить себя продуктами собственного хозяйства колонисты не могли. Для торговли с местным населением это также не очень пригодное место: во-первых, поселенцев окружало враждебное таврское население, к тому же никаких следов торговой деятельности греков в горном Крыму, то есть в собственно Таврике, не найдено; во-вторых, Гераклеийский полуостров отрезан от степного Крыма рядом горных хребтов, то есть ввоз и вывоз товаров затруднен. Между тем, для посреднической торговли место это как нельзя более подходящее, так как находится на пересечении морских торговых путей. Однако не следует забывать, что осво-

ение греческими мореходами краткого южного маршрута плавания по Черному морю следует относить к более позднему времени, а именно ко второй половине V в. до н. э. Как известно, до этого плавание осуществлялось каботажным способом. Вероятнее всего, жители поселения у Карантинной бухты жили тем, что оказывали услуги в предоставлении гаваней.

Таким образом, вопрос о том, являлось ли поселение у Карантинной бухты полисом, на сегодняшний день считать решенным нельзя. Встает вопрос: с какого времени Херсонес приобретает полисный статус? Для начала отметим, что никаких данных, подтверждающих существование гражданской общины херсонеситов в V в. до н. э., не зафиксировано. Наоборот, в перипле Псевдо-Скилака, который датируется 30-ми годами IV в. до н. э., Херсонес определен как эмпорий. Как показали последние исследования, Псевдо-Скилак не всегда корректно определял политический статус поселений. В третьей части своего труда, где описываются районы севернее, южнее и восточнее собственно Эллады (§ 66–112), содержатся безусловные ошибки. Однако, как уже говорилось выше, нельзя не заметить, что, описывая Северное Причерноморье, автор употребляет термин «эмпорий» только применительно к Херсонесу. Некоторые исследователи даже полагают, что Псевдо-Скилак четко разграничивал термины «эмпорий» и «полис». Как нам представляется, в данном случае есть все основания доверять информации Псевдо-Скилака, тем более что есть и другие косвенные свидетельства того, что Херсонес в рассматриваемое время являлся эмпорием.

Долгое время в определении характера колонизации Херсонеса ссылались на то, что экономика его метрополии – Гераклеи носила аграрную направленность. При этом игнорировался тот факт, что основной отраслью сельского хозяйства в Геракlee было виноградарство и садоводство. Такая специализация сельскохозяйственного производства стимулировала быстрое развитие ремесленной и торговой деятельности гераклеотов. С торговыми интересами связан и выбор места для основания Херсонеса. Со временем его значение как перевалочного пункта выросло (это связано с переходом от каботажного плавания к краткому пути через Понт). Показателен в этом отношении тот факт, что в ранних слоях херсонесского городища большое место занимают привозные изделия. Сейчас вроде бы нет сомнений в том, что экономика раннего Херсонеса носила торговую направленность.

Одним из доказательств отсутствия полисного статуса у Херсонеса в рассматриваемое время является достаточно позднее появление у него хоры. Если исходить из того, что Херсонес был основан в последней трети V в. до н. э., то получается, что до времени освоения Маячного полуострова (по мнению некоторых исследователей, именно здесь находилась первая хора херсонеситов) прошло примерно 50–60 лет.

Наиболее древняя серия херсонесского серебра (на аверсе изображены голова Девы в кекрифале и демотикон, на реверсе — рыба и палица) датируется приблизительно 390–370 гг. до н. э. Если признать вслед за некоторыми исследователями, что выпуск монеты имеет принципиальное значение для определения полисного статуса, то признаки существования гражданской общины Херсонеса появляются только в первом десятилетии IV в. до н. э.

Таким образом, вся совокупность данных позволяет считать, что Херсонес не являлся полисом вплоть до начала IV в. до н. э.

Н. В. ЧЕРНИКОВА

«ЗАКОН СИЛЫ, У ЛЮДЕЙ СУЩЕСТВУЮЩИЙ НА ОПЫТЕ, У БОГОВ — ПО ПРЕДПОЛОЖЕНИЮ» (Фук. V, 105, 2)

Этот методологический вывод Фукидид сделал, описывая 16-й год Пелопоннесской войны, светским и религиозным обоснованием которой он и служил: агрессии — со стороны афинян, обороны от порабощения — со стороны мелиян.

В 416 г. до н. э. афиняне осадили лаконскую колонию Мелос, сохранявшую до сего времени в войне нейтралитет. Афиняне, уверенные в превосходстве своих сил над возможностями мелиян, иницируют переговоры с целью убедить мелиян подчиниться Афинам без развязывания военных действий. Для обоснования своих захватнических намерений афиняне выдвигают тезис о значимости права только в условиях равенства сил противоборствующих сторон, «...если же этого нет, то сильный делает то, что может, а слабый уступает» (Фук. V, 89). Мелияне, пытаясь отстоять свое право оставаться нейтральными в войне и сохранить свободу, признавая превосходство афинского военного могущества, выражают надежду на помощь богов: «...Судьба, управляемая божеством, не допустит нашего унижения, потому что мы, люди богобоязненные, выступаем против людей несправедливых...» (Фук. V, 104).

В ответ на это афинские послы оправдывают свою запланированную войну против Мелоса религиозной ссылкой на то, что и афиняне «ничего не делают такого, что противно вере людей в божество» (Фук. V, 105, 1). Обращает на себя внимание обозначение Фукидидом «веры людей в божество» безымянное (*es to theion nomiseos*), но, несомненно, олимпийское, на милость (*eumeneias*, в переводе Мищенко и Жебелева — «благодать») которого надеются противоборствующие переговорщики.

Афиняне опровергают надежду на спасение мелиян и большинства людей (*tois pollois*. — Фук. V, 103, 2), которые, «имея еще возможность спастись